Николай Амосов без скальпеля

Г Кипнис

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Напечатано в журнале Диалог. — 1994. — № 1

- Кипнис Г
  -
  - Первая ретроспектива — близкая
  - Вторая ретроспектива — очень далекая
  - Последнее авторское отступление

Кипнис Г
Николай Амосов без скальпеля

Читатель, знакомый с именем известного академика, сразу догадается, о чем пойдет речь. Да, конечно: мы не будем возвращаться к тому, какой огромный вклад внес Николай Михайлович в развитие медицины, а вернее — легочной и сердечной хирургии, с одной стороны, и в развитие кибернетики — биологической, медицинской, психологической и социальной — с другой. Давно известно, что масштабы его деятельности носят далеко не местный и даже не отечественный характер. Интерес к личности академика Амосова в мире, то есть за рубежом, тоже настолько высок и широк, что даже мои скромные писания о нем (говорю это, поверьте, отнюдь не из тщеславия) переводились в разное время на английский, французский, немецкий, испанский, болгарский, польский и персидский языки — называю только те публикации, которые хранятся у меня дома. При этом известность и слава пришли к Амосову не только благодаря успехам в названных выше двух важных сферах, но и благодаря третьей амосовской профессии, возникшей позже и как бы неожиданно для всех, в том числе и для него самого. Хотя в этом, если вдуматься, ничего удивительного нет. Речь, стало быть, пойдет у нас о писательстве, о литературных занятиях Амосова, а тут у него стаж немалый — три десятилетия. Но в этом месте напрашивается некое авторское отступление.

Первая ретроспектива — близкая

Возвращение необходимо, чтобы подчеркнуть кое-какие черты его неординарного характера. Дело в том, что сегодняшние строки пишутся в дни 80-летия Николая Михайловича, а перед моими глазами — картина пятилетней давности. Тогда, в 1988 году, ему «стукнуло» 75 — возраст тоже, как говорится, весьма почтенный. Но знаете ли вы, как он провел тот «полукруглый» юбилей?

Накануне утром сделал операцию на сердце с протезированием митрального клапана. Вспомните-ка, читатель, наши с вами юбилейные кануны, пусть и не с такими серьезными цифрами: были ли они у нас связаны с серьезными делами, хоть отдаленно напоминающими сложную и изматывающую работу Амосова? Нет, дела делами, полагаем мы, но в юбилей сам Бог велел расслабиться. Не говорю уже о том, что делать операции в 75 лет — совсем не обязательно, что хирургическая деятельность обычно завершается гораздо раньше, что оперировать в таком возрасте (да еще на сердце!), а тем паче оперировать регулярно, по несколько раз в неделю — считается в медицинской практике редчайшим, если не уникальным явлением.

А в самый день своего рождения он начал с того, что принял трогательные поздравления сотрудников. Было много цветов — и они в те декабрьские снежные дни казались особенно яркими и привлекательными. Затем, как всегда, провел пятиминутку, поблагодарив в конце всех за многолетнюю совместную работу, — так водится в юбилеи. И вдруг на этой торжественной волне, без всякого перехода, буквально ошарашил родной коллектив, заявив… о своем категорическом решении с завтрашнего дня покинуть пост директора института.

Что тут началось! После минутной паузы заговорили все разом. Как? Почему? Зачем?! Он, видимо, ожидал подобной реакции, поднял руку, чтобы приостановить шум, не помогло, но он все равно перекричал всех: «Ухожу на пенсию! Разговор окончен!» Вот такой устроил себе и другим в день рождения праздник — со слезами на глазах. И это не просто слова из песни: слезы действительно были у многих. Почему да зачем — об этом еще долго судачили на разных уровнях, от медсестринских постов до министерских кабинетов. В основном недоумевали: ведь можно оставаться на директорском посту, не оперируя, можно, наконец, не приходить ежедневно на службу и т. д. и т. п. Но он упрямо отвергал все варианты: решение было выношенное, в данном случае я бы даже сказал: выстраданное.

— Так что все, друзья мои, спасибо еще раз вам всем, ухожу, до свидания! — Это были последние слова, которые Амосов произнес в день своего 75-летия после веселого (хотя и с грустинкой расставания) «капустника», устроенного в его честь молодежью института.

И ушел уверенной походкой.

Впрочем, кое на какие уступки пришлось пойти. Под нажимом институтской общественности, соратников и друзей все-таки дал согласие остаться почетным директором. Что касается хирургии, то уже через два дня он снова сделал операцию на сердце. Амосов оставался Амосовым. И не только в профессиональном, но и в человеческом плане.

Киевские читатели со стажем помнят, что начиная с 1962 года, Амосов в течение четырех созывов был депутатом Верховного Совета СССР. В те времена депутаты очень и очень редко проявляли свою самостоятельность, а тем более инициативу. Николай Михайлович к подобному не привык. В моей повести об Амосове, написанной в начале 70-х годов, рассказывалось, между прочим, и об этой стороне его деятельности. Я приводил отрывок из репортажа о заседании Комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению ВС СССР, на котором депутат Амосов «настойчиво предлагал покончить с уравниловкой в оплате врачей… ставил вопрос о праве больного на выбор врача» и т. д. Он пользовался любой трибуной, чтобы доказывать, убеждать, и его наступательная активность, конечно, не нравилась начальству. В конце концов Амосов перестал быть депутатом, хотя и считался для властей выгодной фигурой — ученым с мировым именем, к тому же беспартийный, все вполне демократично. Перевесила, однако, его «неуправляемость».

Когда в 1989 году начались выборы в горбачевский Верховный Совет, киевляне вспомнили о своем бывшем депутате и выдвинули Амосова кандидатом даже не в одном, а в нескольких избирательных округах. Он не сразу согласился баллотироваться (все-таки возраст!), а, дав согласие, вступил в предвыборную борьбу уже серьезно, по-амосовски. А борьба была настоящей. 14 претендентов оказались на решающем окружном собрании. Я присутствовал там — собрание в Доме кино затянулось до ночи. По количеству голосов Николай Михайлович опередил всех с огромным отрывом.

Так, перешагнув 75-летний рубеж, он стал народным депутатом СССР, а вскоре и членом Верховного Совета. Впрочем, продолжалось это недолго. Раньше многих других Амосов освободился от эйфории первых перестроечных лет. Трудно было

расставаться с возникшими даже у него надеждами и иллюзиями, но через некоторое время он понял, что участвовать в заседаниях Верховного Совета, которые все больше напоминали срежиссированный спектакль, он уже не может и не хочет. Будучи верен себе, он практически прекратил свою депутатскую деятельность еще до распада Союза.

Ушел из депутатов, не вступил ни в какую партию, меньше занимается медициной, больше — кибернетикой, реже выступает в печати, потихоньку что-то пишет, может научное, а может художественное, так что не подумайте, будто в 80 лет он не у дел — все равно не потерял интереса ко всему, что происходит с нами и вокруг нас. Такой человек!

Уже в наши дни, то есть в начале 90-х годов, в киевском журнале «Радуга», а затем и в московской популярной серии «Эврика» вышла вторая часть амосовской «Книги о счастье и несчастьях». Как всегда, когда печатается данный автор, журнал нарасхват. Книга — тоже. Это может показаться странным, но даже в наше время, когда журналы забиты интересными, порой сенсационными материалами, а стоимость их безумно возросла, произведения Николая Михайловича обладают высокой конкурентоспособностью и выдерживают любую конъюнктуру. Независимо от того, о чем он пишет. Впрочем, начиная с первой книги, он всегда — так или иначе — пишет о себе. О своей работе. Своих мыслях. Своем окружении.

Новую его книгу я прочитал еще в рукописном виде. Мне посчастливилось читать в рукописях все, написанное Амосовым, начиная с первой его повести «Мысли и сердце». Небезынтересна история возникновения этой повести, с которой, собственно, и начался Амосов-писатель.

Началось с того, что после нескольких чрезвычайно сложных операции, получивших, несмотря на неимоверные усилия Амосова и его помощников, летальный исход, Николай Михайлович пришел в такое душевное состояние, когда тягостные мысли о случившемся, о трагической судьбе больных и горькой судьбе хирурга не оставляли его ни днем, ни ночью. Было позднее лето 1962 года. Он много и мучительно размышлял тогда о своей профессии, о ее нравственных сторонах, о возможностях медицины вообще, о врачебном долге, о человеческой доброте и самом человеке, о смысле жизни. В конце концов, потянуло за письменный стол, и он, что называется, «излился». Получилось около пятидесяти машинописных страниц — исповеди, написанной искренне и страстно, насыщенной интереснейшими соображениями, тонкими наблюдениями и — самое удивительное! — похожей на добротную художественную прозу.

Среди близких друзей Амосова был тогда только один профессиональный писатель — украинский прозаик Юрий Петрович Дольд-Михайлик. За два года перед тем Амосов оперировал автора популярного в то время романа «И один в поле воин», они крепко сдружились, и Николай Михайлович, естественно, дал другу почитать свою исповедь. Тот пришел в восторг и сказал, что профессор непременно должен писать книгу. Во что бы то ни стало! И еще один давний приятель Амосова, тоже профессор-хирург, которому Николай Михайлович показал свое сочинение, сказал с присущей их профессии прямотой, не церемонясь, полушутя-полусерьезно:

— Если бы ты умер и остались эти 50 страниц, говорили бы, что ушел из жизни настоящий писатель…

Так, словно сама собой, возникла идея будущей книги. А те 50 страниц исповеди стали потом началом повести «Мысли и сердце», собственно, той начальной главой, которая получила название «Первый день». Но, может быть, эта идея и не увлекла бы так сильно Амосова, если бы его не осенила мысль ввести в книгу рассуждения о кибернетике, которая к тому времени занимала его все больше и больше. Мысль эта оказалась своеобразным катализатором, ускоряющим реакцию. Оставаясь верен себе, Николай Михайлович поставил перед собой весьма дерзкую задачу, решив совместить в рамках одного произведения чисто художественную линию и чуть ли не трактат о кибернетике. Дерзкая задача… Это толкает меня на еще одно авторское отступление.

Вторая ретроспектива — очень далекая

Она многое может объяснить в поведении и делах Амосова, вчерашнего и сегодняшнего. Он родился в деревушке Ольхово на Вологодчине в канун первой мировой войны, в семье сельской акушерки. Его юношеские годы (а это конец двадцатых и тридцатые годы) пришлись на те времена, когда тяга к учебе у ребят, особенно из «простых семей», была невероятно велика. Только бы желание да терпение.

И вот представьте себе студента-заочника индустриального института, готовящего дипломный проект. Прежде всего, он выбирает себе тему. Дело обычное, всегда под рукой имеется множество традиционных и испытанных вариантов. Ну зачем, скажите, студенту, к тому же заочнику, да еще в техническом вузе, ставить перед собой на последнем институтском этапе какую-то особую задачу? А он все-таки пошел на это: в качестве дипломной работы всем на удивление привез в Москву — что бы вы думали?! — проект новой конструкции самолета. Паротурбинного! Трансконтинентального! Ни много ни мало… Правда, у 26-летнего студента за спиной был кое-какой технический багаж. Он уже успел окончить Череповецкий механический техникум, почти три года работал сменным механиком на Архангельской электростанции, считался хорошим и способным теплотехником. Но самолет! Защита, однако, прошла с блеском, и студент, несмотря на то, что ему недоставало нескольких пятерок и даже затесалась в матрикул одна тройка, получил диплом с отличием.

За смелую идею и оригинальное решение — запомните это.

А история с самолетом продолжения не имела. Параллельно (это слово тоже, пожалуйста, запомните) с учебой во Всесоюзном заочном индустриальном институте молодой человек учился в том же Архангельске… на стационаре медицинского института. Там у него дела шли тоже не совсем так, как у всех. Он, например, за один год прошел два курса, но в медицинских вузах случается крайне редко. Будучи первокурсником, дерзнул создать проект искусственного сердца (еще тогда), и хотя его замысел казался наивным, да и знаний у студента было маловато, о его проекте похвально отозвался живший тогда на Севере (к сожалению, не по своей воле) физик Вадим Евгеньевич Лашкарев, известный в стране ученый-академик.

Для неутомимого студента это были годы усиленного накопления знаний: днем — лекции по физиологии или патанатомии, вечером — занятия по теоретической механике или

интегральному исчислению. И никого не удивило, что после успешного окончания мединститута (за четыре года) и получения диплома с отличием, выпускник был оставлен в аспирантуре. Все это — учеба в аспирантуре мединститута и окончание индустриального института — совпало во времени. Но если в первые студенческие годы, задаваясь вопросом «кем быть?», молодой человек еще колебался, то теперь проблема «инженер или врач» окончательно решилась в пользу медицины. Более того, его уже настолько увлекла хирургия, то, проучившись в аспирантуре всего год, он оставил занятия и решил уйти в обыкновенную больницу, на сугубо практическую работу.

Вскоре — это случилось примерно за год до начала Великой Отечественной войны — в межрайонной больнице небольшого в то время Череповца молодой ординатор-хирург Николай Амосов сделал первую операцию.

Итак, победила медицина. Что же, вполне естественно для сына сельской акушерки. Наследственность, окружающая среда тоже ведь могут влиять на окончательный выбор профессии. А остановился я на той давней истории потому, что в ней уже угадывается будущий Амосов — с его вечными поисками, оригинальными идеями, жаждой познания и открытия, целеустремленностью и удивительной работоспособностью. Что ж тут удивляться, что и в литературе он поставил перед собой дерзкую задачу?

Прочитав «Мысли и сердце» на одном дыхании, я был потрясен. Нельзя сказать, что я ее «читал» — не то слово, оно никоим образом не передает душевного состояния, с каким я буквально проглатывал страницу за страницей. Человек, которого я уже вроде бы неплохо и много лет знал, которого безмерно уважал за большой талант хирурга и ученого, вдруг неожиданно предстал передо мной с другой стороны. Двух мнений быть не могло — явился новый и чрезвычайно интересный прозаик. Да еще со своей темой.

Я считал, что «Мысли и сердце» — по манере письма и, главное, по смелости, — ближе всего такому журналу, как «Новый мир». Но как и с чего начинать: неизвестному автору первой книги попасть в журнал Твардовского не так-то просто. И я решил уговорить Виктора Платоновича Некрасова прочитать амосовскую рукопись: дескать, в «Новом мире» его, Некрасова, любят и уважают, пусть поговорит, попросит ознакомиться.

Должен откровенно сказать, что Виктор Платонович не любил читать чужие рукописи, которые ему слишком часто и бесцеремонно навязывали, пользуясь его добротой, демократичностью и общедоступностью. Сколько раз, бывало, при

мне отмахивался: «Не приставайте!»… Но данный случай был из ряда вон выходящий и я, что называется, насел на него:

— Прочти. Уверен, что тебе будет интересно.

И он дрогнул. Я не сомневался, что ему придутся по душе не только стиль и манера изложения (лаконичная, под любимого им Хемингуэя), но и прямота автора, его честность, смелость, наконец, необычность самого житейского материала. Я не ошибся. «Годится», — заключил он одним словом, возвращая мне рукопись.

Я познакомил их. Амосов пригласил нас к себе на Красноармейскую, где тогда жил. Посидели, поговорили, покурили, а кончилось тем, что Некрасов сам попросил у Амосова рукопись. Он как раз собирался в Ялтинский дом творчества, где должен был работать со своим постоянным новомировским редактором Анной Самойловной Берзер, готовя к печати «Месяц во Франции».

— Вот она и решит, насколько мы с тобой правы, — сказал он мне. Недавно я нашел среди своих бумаг некрасовскую открытку из Ялты, датированную 24 января 1964 года. В конце он пишет: «…Три дня тому назад уехала Ася, увозя с собой Амосова. Обещала передать начальству…». В «Новом мире» рукопись прочитали сравнительно быстро. Всем вроде понравилась. Ждали решения главного редактора. Наконец, нам сообщили, что Александр Трифонович, которому повесть в принципе пришлась по душе, готов ее печатать, но, увы, только… «при изъятии всей этой кибернетики». На что, сами понимаете, наш упрямый и, как говорят поляки, гоноровый автор пойти не захотел.

Так повесть попала в киевскую «Радугу», и три «амосовских номера» сразу же стали библиографической редкостью. Такая же судьба постигла и первое книжное издание, вышедшее через год в Киеве. Затем пошли издания московские. Вскоре общий тираж достиг семи миллионов. Согласитесь, что совсем неплохо для дебютанта. Затем книгой заинтересовались за рубежом. Первыми ее издали англичане, потом немцы, затем она вышла чуть ли не во всех европейских странах, а также в Японии и несколько раз в Соединенных Штатах Америки.

Критика высоко оценила книгу, ее художественные достоинства — лаконичный стиль, предельную достоверность, интеллектуальный уровень произведения, ярко выраженную гражданскую позицию автора. Вызвала книга и много споров, преимущественно в медицинской среде. Тут, пожалуй, сказались чисто профессиональные интересы.

Мне, например, приходилось слышать от медработников, что автор книги слишком откровенно обнажает тайны врачебной

практики, скажем, всяческие трудности, ошибки, сомнения и колебания врача, и что все это, дескать, может подорвать у публики веру в доктора, доверие к самой врачебной профессии. Зная многих деятелей современной медицины, я не раз убеждался в том, что напротив — чем глубже их познания и чем выше профессиональный уровень, тем они менее категоричны в своих суждениях, тем чаще испытывают сомнения, и все это, конечно же, ничуть не снижает их авторитета, а скорее наоборот, вызывает к ним еще большее уважение.

Пример тому — сам автор беспощадных «саморазоблачений», который после своей книги поднялся еще выше в глазах большинства читателей именно как Врач с большой буквы. Не забудьте при этом, что книга увидела свет в тот период, когда в нашей стране царила полная безгласность, когда многое держалось в секрете от людей, начиная конкретными заболеваниями, и кончая элементарной медицинской статистикой.

Между тем врачебные проблемы, мысли об операциях и хирургии вообще — в конечном итоге лишь фон этой замечательной книги, отнюдь не медицинской в общепринятом смысле этого слова, а скорее, я бы сказал, лирико-философской. Ибо автор предстает в ней не только крупным хирургом, но и художником-мыслителем, думающим о серьезных гражданских и нравственных проблемах.

И еще одно уточнение. Иногда говорят и даже пишут, что герой книги Амосова — сам Н. М. Амосов. Это не совсем так: о герое книги хирурге Михаиле Ивановиче можно сказать, что он профессионал амосовского типа, не более того. И тем не менее, со страниц повести, написанной от первого лица, с читателями говорит, конечно же, Николай Михайлович Амосов, говорит заинтересованно и страстно, со своей обычной интонацией, в которой разве что не слышно его обычного, до сих пор не утерянного вологодского оканья.

Ну, хорошо: триумф книги бесспорен, это факт. Однако кое у кого могло еще возникнуть вполне объяснимое сомнение, будет ли ошеломляющий литературный дебют Амосова иметь успешное продолжение. Мало ли дебютантов так и остались авторами одной единственной книги! И года не прошло, как Николай Михайлович дал мне читать новую рукопись. Теперь уже не повесть, а роман. И не просто роман, а научно-фантастический. И вторая книга была написана на добротном профессиональном уровне, и ее хорошо приняли как читатели, так и литературная критика.

Второй книгой Амосов подтвердил не только свое

незаурядное литературное дарование, но и то, что литературой занимается не просто удовольствия ради или из чистой любви к искусству. Он нашел возможность делиться с широкой читательской аудиторией своими идеями, мыслями, жизненными наблюдениями, давно испытывая потребность в таком самовыражении. И я уже без всякого удивления принял его третью книгу под странным названием «ППГ-2266». Впрочем, аббревиатура расшифровывается уже на первых страницах, и читатель понимает, что ППГ — это полевой подвижный госпиталь. Как видите, третья книга совершенно не похожа на первые две, что в общем-то вполне естественно для характера Николая Михайловича.

Новая вещь — сугубо документальная, основой ее явилась «Книга записей хирурга», то есть служебный журнал, который Амосов, будучи ведущим хирургом полевого госпиталя, вел на протяжении всей войны, точнее — на Западном, Брянском, Первом, Втором и Третьем Белорусском фронтах, а потом еще и на Первом Дальневосточном. Всю войну с фашистской Германией, а затем и с Японией он провел в одном госпитале, возвратив к жизни тысячи раненых солдат и офицеров. Есть о чем рассказать…

И вот, наконец, четвертая книга — о ней я упоминал в самом начале — интереснейшее автобиографическое произведение, на которое ушло более пяти лет работы. Как и предыдущие — плод ночных бдений. Само название — чисто амосовское: «Книга, о счастье и несчастьях». Он перестал бы быть Амосовым, если бы оставил в названии одно лишь слово «счастье». Согласитесь, можно ли рассуждать только о счастье, когда все люди, а он, автор, в особенности, чуть ли не ежедневно сталкиваются с жизнью и со смертью, когда лично перед ним, в силу его профессии, проблема стоит еще острее и конкретнее — жизни или смерти. Вопрос вопросов. Без антитезы тут не обойтись. Николай Михайлович по характеру убежденный диалектик, он любит антитезу и довольно часто пользуется этой стилистической фигурой. Да и просто само слово «счастье» звучало бы в его устах чересчур громко, никак не буднично, а речь-то — о буднях наших…

И все же я склонен полагать, что последняя его книга — прежде всего о человеческом счастье, можно сказать еще точнее — о трудной, но счастливой судьбе главного героя произведения и его автора Николая Амосова. Следовательно, книга о самом себе. И она же — о нас с вами, о нашем обществе с его делами, проблемами, сегодняшними (на то время) болевыми точками, суетой, надеждами и мечтами.

Снова — большой литературный успех. И не только у нас в стране, но и за рубежом. Тут есть все-таки какая-то загадка. То, что нам интересно, — это понятно, ведь Амосов всегда пишет, в сущности, о нашей жизни. Но там? За рубежом?!

В домашнем кабинете Николая Михайловича я как-то насчитал на полках более трех десятков зарубежных изданий его книг, выпущенных в Англии, США, Франции, Италии, ФРГ, Швеции, Бразилии, Греции, Бельгии, Индии, Японии, не говоря уже о странах Восточной Европы. География обширнейшая! Целые континенты!

Хочу привести лишь несколько выдержек из американских и английских газет о первой амосовекой книге.

Из «Чикаго трибюн»: «…Подлинный отчет о волнующей драме, которая возникает каждый раз при операции на сердце».

Из «Ивнинг ньюс»: «…Сенсационная новая книга».

Из «Нью-Йорк таймс»: «…Драматическая, покоряющая, волнующая».

Из «Таймс»: «…Незабываемая. Абсолютно откровенная… Необычная во всех отношениях книга».

Можно было бы также процитировать немало любопытных высказываний об Амосове из журналов Парижа или Берлина, из итальянского «Экспресс» или, скажем, западногерманского «Квик», из зарубежных газет, которые неделями печатали с продолжением, из номера в номер, фрагменты амосовских произведений, наконец, из престижного справочника «Кто есть кто», где рассказывается о самых знаменитых людях планеты.

Пожалуй, это и есть то, что называется мировым признанием…

Последнее авторское отступление

Повторяя слова поэта: и все же, все же, все же… Не будь Амосов выдающимся хирургом и ученым, уникальной личностью — не иметь бы ему и столь высокого литературного признания. Тут все очень тесно переплетено и связано. Многие годы, если не сказать десятилетия, мы видели Амосова в параллельных делах: то в халате среди медиков и больных, то без него с коллегами-кибернетиками. Диву даешься, как успевал он наряду с медицинской практикой успешно продвигаться вперед по пути создания эвристических моделей сложных систем — от организма до общества. Особенно привлекали его проблемы искусственного интеллекта и моделирования общества. А ведь начинал он во времена, отнюдь не предназначенные для социальной кибернетики. В конце 60-х, например, он написал скромную по объему, но чрезвычайно содержательную брошюру «Моделирование общественных систем», даже сумел напечатать ее, правда, в мизерном количестве — всего сто экземпляров. И что же? Она так напугала ревнителей идеологической стерильности, что вскоре была изъята даже из библиотек. Разработки по данной теме делались, по сути, полулегально, во всяком случае, категорически не поддерживались партийным аппаратом, курирующим науку. Может быть, и этими условиями в какой-то мере можно объяснить периодические переключения особых интересов Амосова то в сторону любимой кибернетики, то снова к своей «законной» хирургии. Вот такие параллели…

Впрочем, ныне, в год своего 80-летия Николай Михайлович, как мне кажется, сделал, наконец, свой последний и окончательный выбор. Перестал оперировать и со своим интеллектуальным потенциалом ушел в кибернетические дела. Дай Бог, как говорится…

А что касается вечных «параллельных курсов» Амосова, то не грех, конечно, вспомнить и о его неутомимой лекционной работе, и о просветительской жилке, и о ярких публицистических выступлениях в печати, которые всегда имеют огромный резонанс, то есть обо всем, что называется хоть и затасканным, но зато точным словосочетанием: общественная деятельность. Ради общества. Для блага людей. Это могут быть разнообразные проблемы нашей жизни. Но всегда — самые насущные. Например, воспитание детей. Он не раз обращался к этой теме и в публичных лекциях, и в некоторых своих статьях.

Вот некоторые его высказывания, записанные мною, о том, что такое умные дети:

— Это значит, ребенок хорошо учится, читает, спрашивает, стремится постичь и сделать. Нет, не обязательно идеал послушания, «удобный» сын и ученик. Но в будущем — почти никогда, чтобы лжец или тунеядец. Почетное место в жизни и обществе. Если угодно — важное условие счастья. Это в личном плане. Для страны — это будущее. Лидеры в науке, изобретатели на заводе, творцы и толковые работники на любом месте.

На вопрос о том, как этого достичь, Николай Михайлович отвечает;

— С первого дня активно обучать, тренировать ум, с раннего детства формировать мировоззрение — только так можно вырастить умного человека, гражданина. И основная задача ложится здесь на плечи родителей. Они обязаны это делать. С другой стороны, самих родителей тоже необходимо этому обучать…

Да простит мне Николай Михайлович, возможно, я несколько упростил его мысли, но важно другое. Если кто-то полагает, что все эти педагогические раздумья родились у Амосова вдруг, ни с того, ни с сего, — он ошибается. Помните, в повести «Мысли и сердце» главный герой, 60-летний хирург воспитывает пятилетнюю внучку Леночку? Вот одно из его рассуждений.

«Счастье. Как им всем дать счастье? Как сделать Леночку счастливой? Неужели только стихия — кому как повезет в жизни? Встретит какого-нибудь прохвоста — и пропали труды, рухнули надежды… Нет, не может быть. Мы должны научить ее быть счастливой. Шутишь, брат. Этому научить нельзя. Можно. Нельзя совсем спасти от прохвоста, но уменьшить шансы. И научить, как выстоять. Что нужно?

Развивать любопытство. Тогда потянется к науке, творчеству. Это большое наслаждение — искать, мучиться. Научить работать и добиваться. Настойчивость. Тогда не упустит мечту. Будет усталость и радость отдыха. Еще искусство. Книги, театр, музыка. Можно забыться, отринуть жизнь, улететь. А потом ходить и вспоминать, и мир преломляется через голубую призму. Еще — общение. Есть хорошие люди, умные. Уметь найти. Беседы с ними — удовольствие… Не быть жадным к вещам.

И в самом деле — получается, можно научиться. Я учу. Пытаюсь учить…».

И снова, уже в другом месте повести:

«…Леночку воспитываю, вижу, чего можно добиться, если настойчиво и с любовью…»

Так вот, раскрою секрет: когда писалась повесть, дочери автора — Катюше — тоже было пять лет. Я знаю ее с тех времен. И, перечитывая теперь книгу Амосова, убеждаюсь: все, что думал

тогда автор о воспитании детей, он перенес в свою родительскую практику, шутя назвав единственную любимую дочь «экспериментальным» ребенком. В этой шутке большая доля правды. Когда Кате исполнилось 15 лет, по всем принятым нормам она должна была бы учиться в восьмом или девятом классе. Николай Михайлович воспитывал и учил дочь по своим принципам. Внешне Катя такая же, как и ее сверстницы. Только чуть посерьезнее. Значительно образованнее. И, пожалуй, умнее. В течение одного года она проштудировала школьный курс трех старших классов, сдала экзамен на аттестат зрелости, успешно прошла конкурс абитуриентов и — в 15 лет! — поступила в Киевский медицинский институт. Случай, конечно, уникальный, но все получилось как нельзя лучше. Сейчас Екатерина Николаевна — опытный врач-кардиолог, в 32 года стала доктором наук, возглавляет ныне кафедру в том же медицинском (теперь он называется университетом). Муж тоже медик. Недавно родилась у них дочка, первая внучка Амосовых…

Выходит, такой занятой человек, как Амосов, и на воспитание собственного ребенка находил время, а мы-то все жалуемся, что работа да разные заботы не дают нам возможности уделять достаточного внимания детям. Тут, должно быть, все дело в умении организовать свое время. И в педагогических наклонностях. Не знаю, в какой степени эти наклонности развиты у Николая Михайловича, возможно, он больше опирается на житейский опыт, чем на педагогическую науку, на тонкое понимание человеческой психологии, однако можно говорить о том, что Амосов зарекомендовал себя и как незаурядный педагог и воспитатель. Педагог и воспитатель в широком смысле этого слова — я имею в виду, что за годы своей работы в Киеве он воспитал целую когорту врачей и научных работников, многие из которых стали крупными специалистами, создал, можно сказать, целую школу торакальных хирургов. А вообще учеников у него сотни. Он передает им не только мастерство, но и высокие нравственные принципы врачевания. Это в конце концов тоже амосовская школа. И одновременно школа жизни.

Как видим, мысли и поступки, идеи и дела у Амосова взаимосвязаны неразрывно, как бы дополняя, а то и переходя друг в друга, жизнь же его — у всех на виду. Так пишет, так говорит, так работает, так живет. Не будет преувеличением, если я скажу, что этими своими качествами он завоевал любовь и признание миллионов людей. Ведь не секрет, что его находят письма, на конвертах которых стоит два слова: «Киев. Амосову».

Думается, одна из главных причин подчеркнуто уважительного отношения к Николаю Михайловичу со стороны

всех слоев общества, от рядовых пациентов его клиники и до руководителей молодой державы (недавно он отмечен Почетным отличием Президента Украины), связана с тем, что он постоянно находится, как бы «при исполнении своих обязанностей». Обязанностей же у него, как вы убедились, более чем предостаточно. Никто их ему не навязывает, они как бы запрограммированы самой жизнью. Его жизнью. И его совестью. Он ведь помимо всего прочего постоянно сам ищет и находит для себя новые и новые дела и заботы. Хорошо сказал о нем знаменитый московский хирург-академик В. Бураковский: «Для меня поучительна трудовая и трудная судьба Николая Михайловича. Счастливая, потому что осенена вдохновением, творчеством. Счастливая, потому что проходит под знаком высокой нравственности, порядочности, чистоты и в то же время — долга».

На последнее слово хочу обратить особое внимание. Есть и у самого Амосова давнее высказывание на сей счет, прислушайтесь: «Смысл жизни. Спасать людей. Выполнять сложные операции. Разрабатывать новые — лучшие, чтобы меньше умирало. Учить других врачей честной работе. Теория, наука — чтобы понять суть дела, иметь пользу. Это мое дело. Им я служу людям. Долг». Тут что ни слово, то как бы пункт из его основной жизненной программы, которой он и поныне придерживается неукоснительно. Это, если хотите, его кредо. Потому что прежде всего и во всем он личность! Цельная, яркая и самобытная.

А заключить свой рассказ о нем хочется последними строками из упомянутой выше «Книги о счастье и несчастьях». Речь идет как раз о дне его 75-летия, когда он ушел в отставку с поста директора института, когда прощался с коллективом.

«…Грустный день. Очень грустный.

Давно уже двенадцать. Три часа стучу. Спать пора. Завтра начнется новая жизнь. С другими чувствами. На этом самое время сделать долгий перерыв в записях. Может быть, и насовсем.

Ах, Амосов! Не хитри хотя бы сам с собой, не веришь ты в конец жизни!»

И я, когда думаю о нем, — не верю!

Постскриптум: Поставив точку, я вдруг подумал, что слишком увлекся чисто литературными делами Николая Михайловича, совершенно забыв о недавно подаренном мне последнем его труде. Этот трактат (я бы сказал — научно-философско-публицистический) называется «Мое мировоззрение» и напечатан на ротапринте небольшим тиражом. Содержит четыре раздела: «Разум», «Человек», «Общество», «Разум человечества и экскурс в будущее». Таблицы, схемы… Листаю и

чуть ли не на каждой странице нахожу строки, которые хочется процитировать. Ну, скажем, такие: «…Ученые сосчитали, что 95 процентов наших генов — одинаковы с обезьянами. Даже не верится. Были Христос, Будда и рядом — гориллы. Грустно…

Идеал вообще невозможен. Все философы хотели бы перестроить человечество по разуму. Дело оказалось за малым: биология не позволяет. Человек «рассчитан» эволюцией для жестокой иерархической стаи, в которой прежде всего отрабатывается программа «для себя» — это уже голый эгоизм. Потом «для рода» — это отвлечение для детенышей. И только в конце «для вида», то есть для всей стаи, но так, чтобы в ней отобрать для размножения самых сильных. Иначе вид захиреет. Как видим — не захирел… Но отобрались не только умные, но и жестокие. А слабым всегда было плохо…».

А вот короткая заключительная главка:

«Зачем человеку мировоззрение? Чтобы понять мир, себя и, может быть, немного прибавить счастья, управляя своими мыслями.

Повторю основные идеи.

Мир материален и воспроизводим, включая разум: духовность тоже его функция. Для всего чудесного пока нет доказательств, одна только вера. Но доказательства верящим и не нужны. Дело вкуса: один хочет знать, другой верить. Я — за знания, но уважаю верующих. Если не в чудеса, а в Бога. Каждое живое существо эгоистично. Принцип удовольствия — незыблем. Даже, когда жертвуешь для ближнего, — значит это приятно.

Природа задала нам три программы: для себя, для рода, для вида. Иначе: себе, семье, всем людям. Взрослому программы уже не переделать — можно только рассчитывать разумом, как жить с максимумом приятного. Эгоизм — от разума, тренировать не нужно, его и так достаточно. Остается рассчитывать, сколько отдавать людям. Нет смысла призывать, как Христос: «Отдайте без меры, вам воздастся». Все равно человек измеряет свои чувства. Важно понять: что мы не получаем от людей в ответ на свои поступки значит в нашей жизни гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Хорошее отношение к нам окружающих — минимальное условие душевного комфорта. Поверьте мне: отдавать больше, чем хотелось бы нашим инстинктам, — просто выгодно. Рассчитайте это разумом, видящим будущее, а не сердцем — оно в плену биологии и данного мгновения. Мы вовлечены в общение с другими гораздо больше, чем первобытный предок, на котором отрабатывали генетический эгоизм.

Впрочем, я изрекаю банальные истины, только пришел я к

ним не от Бога, а от науки…

Чтобы получить больше отдачи за свое доброе отношение к людям, — нужно хорошее общество. Я бы выбрал социализм, но биология человека его не допускает: люди слишком жадны, завистливы и ленивы, а лидеры еще любят власть и агрессивны. И нет уверенности, что образование само по себе заметно улучшает природу человека. Правда, оно увеличивает возможности компромисса по расчету. Так же, как богатство прибавляет щедрости и стимулирует труд. Вот и получается, что биология выбирает частную собственность в координате идеологии. Это является условием благополучного общества и при минимальной религии защищает слабых от нищеты. В то же время собственность, возрастание богатства и связанного с ним образования — сдвигает координату власти к возрастанию демократии, к компромиссу между лидерством и свободой.

Такое нужно общество — хотя далекое от идеалов мира и добра, но реальное, обеспечивающее человечеству будущее. Но безоблачное, если учесть недостатки разума и груз инстинктов, но надежное, позволяющее переждать, пока наука евгеника не улучшит человека».